Артур Конан Дойл
Гилберт Кит Честертон
Оскар Уайльд • Эдгар Уоллес
Эдгар Алан По
Джером К. Джером

МОЕ ЛЮБИМОЕ УБИЙСТВО

ЛУЧШИЙ МИРОВОЙ ДЕТЕКТИВ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«…Не буду говорить, что в этой истории правда, а что — нет, вы сами скоро поймете, что в ней нет ни слова лжи. В ней также нет ни разгадки, ни концовки. Как и многие события в нашей жизни, это лишь фрагмент головоломки, чрезвычайно увлекательной, но непостижимой для человеческого ума. Вся сложность жизни в том, что в ней слишком много интересного, и потому интерес наш ни на чем подолгу не задерживается. Мелочи, которых мы не замечаем, на самом деле есть обрывки бесчисленных историй, а наше обыденное и бесцельное существование — тысячи увлекательных детективных сюжетов, спутавшихся в единый клубок».

- Гилберт Кит Честертон
  - ○
- notes
  - ○ 1
  - ○ 2

Гилберт Кит Честертон
ЗАГАДКА ПОЕЗДА

Все эти разговоры о детективных сюжетах на железной дороге погрузили меня в пучину воспоминаний. Не буду говорить, что в этой истории правда, а что — нет, вы сами скоро поймете, что в ней нет ни слова лжи. В ней также нет ни разгадки, ни концовки. Как и многие события в нашей жизни, это лишь фрагмент головоломки, чрезвычайно увлекательной, но непостижимой для человеческого ума. Вся сложность жизни в том, что в ней слишком много интересного, и потому интерес наш ни на чем подолгу не задерживается. Мелочи, которых мы не замечаем, на самом деле есть обрывки бесчисленных историй, а наше обыденное и бесцельное существование — тысячи увлекательных детективных сюжетов, спутавшихся в единый клубок.

То, что я пережил, сродни всему этому, и как бы то ни было, это вовсе не выдумка. Я не выдумывал события, те немногие, которыми богата эта история; но что еще более важно, я не выдумывал атмосферу той местности, а ведь это в ней заключался весь ужас происходящего. Я помню все так, словно вижу наяву, и описывать буду именно то, что вижу.

Пепельным осенним полднем несколько лет назад я стоял у вокзала в Оксфорде, собираясь взять билет до Лондона. И по какой-то причине — от праздности ли, от пустоты в голове или в бледно-сером небе, от холода — взбрела мне в голову прихоть не ехать поездом, а выйти на дорогу и пройти пешком хотя бы часть пути. Уж не знаю, как оно у вас, но пасмурная погода, в которую у всех все валится из рук, впускает в мою жизнь романтику и стремление к движению. В ясные дни мне ничего не хочется; мир совершенен и прекрасен, и остается только им любоваться. Под бирюзовым куполом неба меня тянет на приключения не больше, чем под куполом церкви. Но когда фон нашей жизни сереет, во имя священного стремления к жизни я стремлюсь расцветить его огнем и кровью. Когда блекнут небеса, человек сияет ярче обычного. Когда на небе свинцом и тусклым серебром постановлено ничему не происходить, именно тогда бессмертная душа, вершина творения сущего, возвышается и молвит: да произойдет! Даже если произойдет всего лишь убийство полицейского. Но это лишь отвлеченные рассуждения все о том же — тусклое небо пробудило во мне жажду перемен, скучная погода отвратила меня от скучного поезда, так что я двинулся в путь по проселочным дорогам. Вероятно, именно в тот момент и

город, и небо причудливым образом меня прокляли: спустя годы я написал в статье для «Дэйли Ньюс» о сэре Джордже Тревельяне из Оксфорда, прекрасно зная, что он работал в Кембридже.[1]

Местность, по которой я шел, была призрачной и бесцветной. Поля и кроны деревьев, обычно зеленые, по цвету не отличались от неба и точно так же тонули в тумане. А спустя несколько часов день стал клониться к вечеру. Болезненно-бледный закат слабо цеплялся за линию горизонта, будто бы страшась оставить мир во тьме, и чем больше он угасал, тем ближе и угрожающе надвигались небеса. Облака, ранее просто тусклые, разбухли и вскоре излились на землю темным полотном дождя. Дождь слепил, атаковал меня, как вражеский солдат в ближнем бою, а небеса склонились надо мной и загремели в уши. Я шел долго, пока не встретил наконец человека, и к тому времени уже принял решение. Я спросил у него, где поблизости можно сесть на поезд до Паддингтона. Он указал мне на тихую маленькую станцию (я даже названия не вспомнить не могу) в отдалении от дороги, одинокую, будто горная хижина на перевале.

Пожалуй, ничего подобного этой станции я раньше не видел — ничего столь же древнего, иронично-печального и потустороннего. Казалось, дождь лил над ней с самого сотворения мира. Потоки воды струились по деревянным доскам, будто гнилой сок самого дерева, будто само здание станции разваливалось на части и истекало гнилью.

Мне потребовалось почти десять минут, чтобы найти там хоть одну живую душу. Душа на поверку оказалась весьма унылой, и на мой вопрос о поезде ответила сонно и неразборчиво. Насколько я смог понять, поезд должен был подойти через полчаса. В ожидании его я присел, зажег сигару и принялся наблюдать за последними клочьями истерзанного заката, слушая беспрерывный шум дождя.

Прошло около получаса или чуть меньше, прежде чем поезд медленно вполз на станцию. Он был непривычно темным; вдоль его длинного черного туловища не виднелось ни единого проблеска света, и поблизости не было проводника. Мне не оставалось иного выбора, как подойти к паровозу и громко поинтересоваться у машиниста, следует ли поезд до Лондона.

— Ну… да, сэр, — сказал он с необъяснимой неохотой. — Он следует до Лондона, но…

Тут поезд тронулся, и я запрыгнул в первый вагон. Там царила кромешная тьма. Я сидел в ней, курил и размышлял, а поезд двигался по темнеющим просторам, исчерканным одинокими тополями, пока наконец не замедлил ход и не остановился прямо посреди поля. Раздался глухой стук, как будто

кто-то спрыгнул с паровоза, и в моем окне появилась растрепанная черная голова.

— Простите, сэр, — сказал машинист, — но мне кажется… пожалуй, вам стоит об этом знать… в этом поезде умер человек.

* * *

Будь я человеком тонкой душевной организации, несомненно был бы сражен этим новым знанием и ощутил бы настойчивую потребность выйти из поезда и немного подышать. На деле же я, стыдно сказать, объяснил вежливо, но твердо, что, если меня благополучно доставят к Паддингтону, остальное не столь важно. Но когда поезд снова тронулся, я все-таки кое-что сделал — не задумываясь, просто следуя инстинктам. Я выбросил сигару. Было в этом что-то древнее, как сама земля, и родственное траурным ритуалам. Мне показалось вдруг невыносимо ужасным, что во всем поезде едут только два человека, причем один из них мертв, а второй курит сигару. И когда ее пылающий красным золотом кончик угас, как погребальный костер, символически затушенный во время церемонии, я осознал, что ритуал этот воистину бессмертен. Я осознал его истоки и сущность, и понял, что перед лицом священного таинства слова бессмысленны, зато несут смысл действия. И я понял, что ритуал всегда будет требовать отказа от чего-либо — уничтожения хлеба и вина, возложенных нами к алтарю наших богов.

Когда поезд, пыхтя, дополз наконец до Паддингтона, я выскочил из него неожиданно резво. Задняя часть поезда была огорожена, вокруг стояли полицейские, но никто не подходил близко. Они что-то охраняли и одновременно прятали. Возможно, это была смерть в одной из ее самых шокирующих обличий, возможно, что-то подобное Мертхэмскому делу,[2] столь густо замешанное на человеческой злобе и тайнах, что почти превозносимое за это; а возможно, что-нибудь гораздо хуже. Я с облегчением покинул станцию и вышел в город, где увидел смеющиеся лица, озаренные светом фонарей. С того самого дня и по сегодняшний я не имею ни малейшего понятия о том, какой странной истории тогда коснулся и что стало с моим попутчиком во тьме.

notes

Примечания

1

Джордж Маколей Тревельян (1876–1962) — знаменитый британский историк и публицист, вся научная и общественная деятельность которого была связана с Кембриджем. По своим взглядам был ярым оппонентом Честертона — что, впрочем, не мешало их знакомству и вполне корректному общению.

2

24 сентября 1905 г. в железнодорожном туннеле возле городка Мертхэм было обнаружено страшно изуродованное тело 22-летней Мэри Мани. Как установила экспертиза, девушке заткнули рот шелковым платком и после отчаянной борьбы выбросили из поезда на полном ходу. Этот случай вызвал большой общественный резонанс как первое в истории Великобритании «железнодорожное убийство» женщины (надо отметить, что в викторианскую эпоху получил большое распространение жанр «железнодорожного детектива», предназначенный для чтения в поезде и чаще всего описывавший именно преступления на железной дороге — но от реальной действительности он был, мягко говоря, весьма далек). Удалось выяснить, что в поезд Мэри, видимо, села со спутником, «выглядящим как джентльмен», но этого описания оказалось недостаточно, чтобы предъявить обвинение кому-либо из фигурировавших в деле мужчин (двум ее сослуживцам и железнодорожному клерку). Правда, возникли предположения, что ее брат Роберт Мани мог что-то знать о ее знакомых, не попавших в поле зрения следствия, — но молодой человек никого не назвал и вообще выглядел настолько убитым горем, что его почти не допрашивали, хотя именно он последним достоверно видел девушку живой. Убийство так и не было раскрыто, но имело неожиданное «послесловие». В 1912 г. Роберт Мани, которого никогда ни в чем по-настоящему не подозревали и которому, тем более, не предъявляли каких бы то ни было обвинений, расстрелял из пистолета трех детей и двух женщин (одна из них, тяжелораненная, сумела незаметно выползти из-под груды трупов и спастись), облил их тела бензином, поджег — и покончил с собой. Этот чудовищный поступок, совершенно лишенный видимых мотивов, заставил задуматься о том, не играл ли Роберт в Мертхэмском деле более значимую роль, чем то казалось в 1905 г.